

Чеханков Федор
(к юбилею)

29.09.04

С плащом и шпагой

К юбилею Федора Чеханкова

У народного артиста России, актера Центрального академического театра Российской Армии Федора Чеханкова – немало преданных почитателей. В его послужном списке много ролей – классических и современных, лирических и героических. И все-таки главное впечатление связано с его ярким, возвышенным, романтическим мировосприятием, в котором так естественно уживаются игра, вокал, танцы. Не одно поколение зрителей воспитано на его ослепительном Альдемаро в легендарном спектакле “Учитель танцев”.

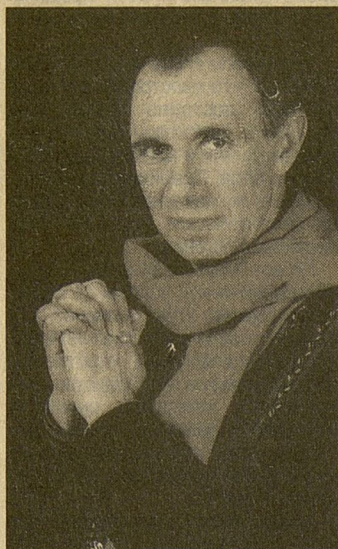
Федор Яковлевич обладает редкой способностью импровизации, талантом дружбы и невероятной интеллигентностью, если подразумевать под этим понятием не только профессиональные навыки, но и образованность. А знает Федор Яковлевич, пожалуй, все, что происходит в мире искусства. Потому его конференс, родом из далекого телевизионного “Артлото”, пожалуй, не имеет аналогов. Раскованный и эрудированный ведущий концертных программ (кто может себе представить театральные бенефисы и творческие вечера без его увлеченного участия?), он с неизменным остроумием и элегантностью представляет своих коллег. Умеет в нескольких фразах определить актерскую манеру и творческий почерк подчас точнее и образнее театроведа.

Одержимость искусством заставила актера взяться за перо и выпустить в свет мемуары “Моя дырявая память”. Автор, конечно, лукавит – он помнит все, но пишет только то, что передает свободное и раскованное дыхание жизни.

В эти дни Федор Яковлевич отмечает юбилей, и мы, искренне почитая артиста, публикуем его поэтические строки о театре, которому он верно служит.

После спектакля

– Я люблю пустой театр после спектакля. Закончился праздник. Отзвучали аплодисменты и крики

Ф. Чеханков

“браво!”. Усталые актеры вышли на запах цветов, счастливые, и наконец покинули сцену. Погасли прожектора, уносят мебель и реквизит, костюмы сиротливо повисли на вешалках, разбирается декорация. Сказка рассказана до конца. И уже не важно, какой у нее был конец – счастливый или несчастный. И вот уже нет московских покоев Ивана Грозного... На сцене просто раскрашенная фанера. И натянутый размалеванный холст. Блестки, золотая фольга, мишура... На сцене горит дежурный свет. Театр покинули рабочие, мебельщики, костюмеры, гримеры... Капельдинеры бесшумно закрывают двери, сдают ключи. Театр опустел. Он долго и тяжело остывает от той температуры, которая еще недавно накаляла и сцену, и зал. Говорят, в великих спектаклях она иногда доходила до 42 градусов. И у актеров, и у зрителей. Горячий жар. Но это бывает ред-

ко. Может быть, к счастью. Ведь возможен фатальный исход. История помнит такие примеры. Я люблю выйти на пустую сцену и слушать ее тишину. Слушать и вспоминать. Эти стены, этот зал, эти декорации, этот занавес помнят и хранят все. Все, что составляет смысл жизни артиста. Сцена помнит тебя молодым и умирающим от страха, потому что сейчас твой самый первый выход. Помнит твои первые шаги. И запомнит последние. Помнит твои премьеры. И даже похороненные мечты – помнит. Помнит твои успехи и твои провалы. И, как верный и преданный друг, всегда молчит. И всегда сочувствует. Она знает про тебя все, ее обмануть нельзя. Зрителя обмануть можно, сцену, как и самого себя, – нет. Пустая, притихшая, отходящая ко сну, она вспоминает твоих партнеров, которых ты любил на сцене гораздо пламеннее и искреннее, чем в жизни. Закрываешь глаза и слышишь их голоса, их неповторимые интонации, всегда разные и всегда неожиданные. По ним ты сразу понимал, что с твоим партнером. Или ему хорошо, и он счастлив, или ему плохо, горько, его кто-то обидел, и он еле сдерживает непрошенные слезы. Сцена – это рентген. Снимок – моментальный. Диагноз – точный. Как сказано в пьесе “Оптимистическая трагедия”, “приговор окончательный и обжалованию не подлежит”. Даже сейчас, приезжая в города, где когда-то бывал на гастролях, я тут же спешу к театру. Надо обязательно войти и попросить разрешения у дежурного постоять в зале и на сцене. Он обязательно с недоумением скажет: “Так ведь нет же сейчас спектакля!” А мне и не нужен спектакль. Мне нужен зал. Пусть даже пустой. Мне нужна сцена. Я не умею без нее жить. И еще одна возможность – хоть на мгновение – вернуть себе тот вечер, тех зрителей, то дыхание и те аплодисменты, мое актерское счастье... Впрочем, жизнь продолжается.

Федор ЧЕХАНКОВ

рубрика: 2004-23-29 сент.-с. 12